

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

В КУРОРТНОМ Пярну сейчас — «мертвый сезон»: полупустуют санатории и пансионаты (очередное свидетельство нашей бесхозяйственности), совсем нет «дикарей», мало туристов.

Немногочисленным экскурсантам гиды с гордостью рассказывают об уроженке здешних мест Лидии Койдуле, родоначальнице эстонской драматургии (романтический памятник воздвигнут писательнице в центре города, есть и мемориальный музей). Не забывают пярнусцы Аугуста Якобсона, правда, отношение к выразителю мнения официальных властей не сколько прохладное, но вполне уважительное.

В Пярну высоко чтут тех, чье творчество связано с городом. Приезжим непременно покажут небольшой домик, где много лет прожил поэт Давид Самойлов, и другой, куда каждое лето приезжал Давид Ойстрах (на коттеджах — скромные, со вкусом исполненные мемориальные доски). Вы обязательно услышите рассказ об известных деятелях искусства, которые постоянно проводят отпуск в Пярну, и о том, какое астрономиче-

ское количество концертов бывает летом и какие звезды первой величины участвуют в них.

Однако 55-тысячный город не скушает в зимне-весеннем затишье. В

церкви Елизаветы по воскресным дням — концерты органной музыки, любители легкого жанра отправляются в варьете. Несмотря на высокие цены (11 рэ за билет), попасть туда непросто, мне, например, так и не удалось.

В драматическом театре «Эндла» почти каждый вечер — аншлаг (а в зале — 840 мест). Сейчас спектакли с синхронным переводом на русский идут трижды в месяц, летом — ежедневно.

Одна из самых кассовых постановок — мюзикл «Зорба» — в репертуаре уже не один сезон. Правда, мюзиклом ее можно назвать условно, это скорее музыкально-комедийное представление. Приятно, что одно из главных действующих лиц — оркестр. Музыканты, одетые в национальные греческие костюмы, разместились прямо на сцене и по ходу действия «подкрепляют» массовку. После набившего оскомину фонограммного аккомпанемента «живые» мелодии — еще одно очко в пользу театра.

Любимец публики Феликс Карк играет обаятельного пройдоху Зорбу, неунывающего, выкручивающегося из самых щекотливых ситуаций. Эдакий эстонский Насреддин греческого происхождения. Есть у Карка мгновения, когда он превращает своего героя в мудрого философа. И замирает зал, слушая печальные слова: «Если вы разочаровались в жизни, не надо жалеть — она все равно не повторится...»

В «Эндле» царит давно забытое ощущение праздника, созданное не только артистами, которые, казалось, играли премьеру, но и гостеприимными гардеробщицами, предупредитель-

ными билетерами, безупречно вежливыми буфетчицами.

Многие зрители приехали из отдаленных сельских районов, шесть междугородных автобусов у здания театра — тому доказательство. Но зал выглядел в высшей степени светским: строгие мужские «тройки», элегантные туалеты женщин, нарядные туфли на каблучках. С грустью вспомнились москвички в тяжелых сапогах, с хозяйственными сумками, которые отказываются принимать в театральных гардеробах.

Не знаю, откуда возник устойчивый миф о сдержанности эстонцев. На все, что происходило на сцене, зрители реагировали непосредственно и бурно, а когда закрылся занавес, аплодировали долго и благодарно. Никто не торопился «за галлошами». И опять пришли на память московские театры, где билетеры с трудом сдерживают напор толпы, спешащей в гардероб.

Сентиментальность — ее не часто испытываешь в наше рациональное и жесткое время. А я вот растрогалась от, казалось бы, элементарного: от вежливости, от взаимопонимания, короче — от такой простой вещи, как культура поведения.

Бениамин Каверин определил интеллигентность как чувство доверия к людям, желание им добра. Если мудрый писатель был прав, то придется признать, что интеллигентность нынче почти всюду в дефиците, и Пярну — счастливое исключение.

Жаль, что редкое.

Елена ЗОНИНА.

ПЯРНУ.

● Зорба — Феликс Карк.